

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VI

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1937 · Ленинград

Я. С. ВИЛЕНЧИК

Система гласных в народно-арабском языке горожан Сирии и Палестины

Настоящая заметка имеет своей задачей выяснить стандарт существующих гласных разговорно-арабского языка горожан Сирии и Палестины, именно, Бейрута, Дамаска и Иерусалима с целью установления исходной транскрипции для готовящегося словаря народно-арабского языка. К решению вопроса привлечены данные, приводимые у Mattsson'a (для Бейрута),¹ Bergsträsser'a (для Дамаска)² и Bauer'a (для Иерусалима),³ равно как и другие источники, в том числе касающиеся деревенских говоров.⁴ Гласные рассматриваются по группам, исходя из их современного качества и количества. В отношении ударения следует иметь в виду, что в народном языке Сирии и Палестины помимо главного ударения важную роль играет ударение подсобное. Последнее получают все закрытые слоги, предшествующие главному ударению, и каждый второй открытый слог перед главным или подсобным ударением. Неударенными являются, следовательно, лишь открытые слоги непосредственно перед главным или подсобным ударением, или слоги, следующие за главным ударением.

Группа *a*

Из долгих гласных этой группы для Бейрута засвидетельствованы три варианта: \bar{a} ; \bar{a} — в определенных случаях после заднеязычных и радикальных (артикулируемых с помощью корня языка) согласных, а также

¹ Mattsson, E. *Études phonologiques sur le dialecte arabe vulgaire de Beyrouth*. (Upsala 1910) 118 p. [Archives d'Études Orientales publiées par J. A. Lundell, 1].

² Bergsträsser, G. *Zum arabischen Dialekt von Damaskus. I. Phonetik. Prosatexte*. (Hannover 1924) IV + 111 p. [Beiträge zur semitischen Philologie und Linguistik, 1].

³ Bauer, L. *Das Palästinische Arabisch. Die Dialekte des Städters und des Fellachen. Grammatik, Übungen und Chrestomathie*. 4. Aufl. (Leipzig 1926) X + 264 p.

⁴ Feghali, M. T. *Le parler de Kfar 'Abida (Liban-Syrie). Essai linguistique sur la phonétique et la morphologie d'un parler arabe moderne*. (Paris 1919) XV + 307 p.

после *r*; \bar{a} — в соседстве с веляризованными переднеязычными [Mattsson, 65—72]. Для Дамаска можно принять те же самые оттенки, с тем отличием, что тембр \bar{a} больше приближается к \bar{a} , хотя Bergsträsser, упомянув об этом в фонетической части своей книги [р. 28], употребляет в текстах один лишь \bar{a} . Таким же образом поступает и Вагер [§ 8].

При решении вопроса о том, какие из вариантов долгого \bar{a} следует зафиксировать в транскрипции, мы должны руководствоваться функциональной их значимостью в системе данного диалекта. Хотя у нас нет примеров, где различие в гласном \bar{a} , \bar{a} или \bar{a} повлекло бы за собой изменение значения слова, мы всё же имеем основание полагать, что два оттенка: \bar{a} и \bar{a} (или \bar{a}) формально различаются как две независимые друг от друга фонемы. Дело в том, что наблюдаются случаи наличия \bar{a} там, где мы бы ожидали \bar{a} или \bar{a} , напр. *saǰǰāḏ* «охотник, рыболов» [Mattsson, 72; 90; Feghali, 84; Huxley || JAOS 23 (1902) № 113], *ḏabāḏb* «туман» [Hartmann, Sprachführer (1881) 66; 229] и др.; окончание множественного числа женского рода имеет часто форму $\bar{a}t$ даже в словах с веляризованными переднеязычными, напр. *saǰāḏt* «отрезки парчи», *ṭawḏāḏt* «столы» [Mattsson, 71], *salwāḏt* «молитвы» [Feghali, 209] и др. Перед нами явление, известное в лингвистике под названием формальной аналогии и состоящее в том, что отдельные закономерно возникшие, но редко появляющиеся формы переиначиваются по образцу идентичных по значимости, но отличных по внешности форм, которые более часто встречаются и поэтому принимаются за норму. В примере с *saǰǰāḏ* речь идет о тенденции устранить из грамматической системы всякие фонетические варианты формы *kerāḏm*, означающей действителя, напр. *kerrām* [в данном случае закономерную форму *saǰǰād*, которая также встречается: Hartmann, Sprachführer (1881) 184; 208; 339]. В ливанских диалектах, описываемых Feghali, такие случаи еще более распространены: в деревне *ǰālta*, напр. долгий \bar{a} проник даже в те формы слабых гласных, где обычно после *q*, *ǰ* или *x* имеется \bar{a} , напр. *qāḏ* «сказал», *xāḏf* «боялся» и т. п. [Feghali, 95n1.] С другой стороны, мы не находим ожидаемого \bar{a} в заимствованных словах, как *bāǰa* «паша», *kənǰāk* «коньяк», *ǰalmāni* «немец», хотя отсутствие заднеязычных или веляризованных переднеязычных обязательно вызвало бы \bar{a} ; если бы его появление было обусловлено одной лишь позицией. Следовательно здесь, как и в вышеприведенных примерах аналогии, имеет место сознательная замена закономерного оттенка другим, который ощущается

как отличный от первого. Это дает нам право говорить о двух различных фонемах \bar{e} и \bar{a} .

Без ударения \bar{e} и \bar{a} являются фактически краткими гласными, но так как старые краткие в этих же случаях, т. е. без ударения, появляются в более или менее редуцированном виде, то различие между неударенной краткостью и неударенной долготой все же остается, и краткие e и a психологически выполняют функции неударенных долгих, [см. Докл. Акад. Наук СССР, В (1927) 2—4]. Мы их условно будем обозначать как полудолгие гласные.

Для краткого a под ударением в Бейруте в закрытом слоге преобладает оттенок e , исключая случаев, где гласный находится в соседстве с веляризованными переднеязычными, w , или радикальными согласными; тогда налицо оттенки a и a . В открытом слоге преобладает передний a с теми же вариантами [Mattsson, 75]. В Дамаске в закрытом и открытом слогах нормальным является a переднего образования. Этот звук, в зависимости от окружающих согласных, варьирует от открытого e до глухого a заднего образования [Bergsträsser, 22—27]. В Иерусалиме, как и в Дамаске, нормальным является a , с колебанием от e до a , в соответствии с окружающими согласными [Bauer, 10—11].

Без ударения краткий a в Бейруте приближается к нейтральному a , подвергаясь при этом большей или меньшей редукции как количественной, так и качественной. Этим и объясняется своего рода гармонизм, благодаря которому неударенный a в субъективно-акустическом восприятии получает оттенок ударенного гласного соседнего слога [Mattsson, 75]. В Дамаске здесь также наблюдается неопределенный a [Bergsträsser, 24, 15—20]. Для Иерусалима у Bauer'a сведений нет.

В обеих последних группах мы имеем перед собой более или менее субъективные варианты основного краткого гласного, зависящие от его позиции и не являющиеся фонемами, т. е. не имеющие функционального значения в системе языка. Можно поэтому передать все эти оттенки одним знаком a , придав ему значение открытого краткого гласного не вполне устойчивого качества.

В особом положении находится тот гласный, который Feghali в своем «Parler» передает через e (с вариантом e в соседстве с веляризованными переднеязычными и губными согласными), напр. $j\acute{e}gme\acute{l}$ ← $*j\acute{e}gm\acute{a}l$, $sf\acute{a}r\acute{z}e\acute{l}$ ← $*saf\acute{a}r\acute{z}a\acute{l}$. Как видно из приведенных примеров, в этом гласном отражаются как старый i , так и a . Дело в том, что в данном говоре a

в закрытом слоге после ударения, в соответствии с общей редукцией неударенных гласных, предварительно сократился в *ə*, ср. *ʔaʕbən ǧanno* «против его, воли» [Бейрут, христиане: Mattsson, 61; 86; Бхамдун на Ливане: Mattsson || МО 8 (1914) 20, 15; палестинские феллахи из Лифты: Bauer, 190, 55], из и на ряду с *ʔaʕban* в некоторых других диалектах [Дамаск: Malinjoud, Guide 1 (1925) 93; Бейрут (мусульмане?): Hartmann, Sprachführer (1881) 332; Иерусалим: Bauer, 67; 90; 160, 3]. Возникновение ливанского *sfarǧel* рисуется следовательно в виде: *sfarǧel* ← **sfarǧal* ← **safarǧal*. Но сейчас этот гласный *ɛ* ливанского диалекта, хотя и происходит непосредственно из гласного группы *i*, воспринимается как редукция долгого *ā*, что явствует из следующего: от приведенной формы настоящего-будущего времени (долженствующего наклонения) *jǧʔmēl* «ему носить» (параллельно старо-арабскому *jǧʔmilu*) производится форма повелительного наклонения *ǧʔmāl* [ср. ст.-ар. *ǧǧʔmil*, Feghali, 134]; на ряду с дамасской формой *ǧahlēn u sahlēn* «милости просим» [Bergsträsser, 33, 35, с удлинением гласных последних слогов из **ǧāhlen u sāhlen* ← **ǧāhlən u sāhlən* ← **ǧāhlan wa sāhlan*, ср. форму повелит. накл. *lǧés*, вновь образованную по примеру формы долженствующего наклонения *jǧlbes* ← **jǧlbās*], Feghali, 120, приводит форму *ǧahlēn wa sahlēn*, ошибочно полагая, что имеет дело с литературным произношением; эта же форма исключает возможность образования *ǧahlēn u sahlēn* по примеру форм двойственного числа (ср. *maǧǧabtēn* от *mǧǧaba* «милости просим!»). Если бы дело обстояло так, то мы бы имели в диалекте Feghali **ǧahlājn wa sahlājn*, так как там дифтонги сохранились; больше того, мы бы могли ожидать форму **ǧahəltājn wa sahləltājn*, так как новообразование *maǧǧabtēn* вызвано тем, что конечный гласный формы *mǧǧaba*, происходящий от окончания винительного падежа, был воспринят как окончание женского рода.¹

¹ Аналогичным путем возникли формы вроде *baǧdēn* «затем» ← **bāǧden* ← *bāǧdən* ← *bāǧdan*, ср. фелл. *bāǧdən bǧǧra* «послезавтра» [Bauer, 93], а также *kullīn*, *kullēn* [Landberg, Études sur les dialectes de l'Arabie méridionale. I. Haǧramout (Leide 1901) 704] из *küllīn*, гер. *küllen* ← **küllan*. Различие этих форм, происходящих из двух диалектов, в одном из которых — как в Бейруте — *i* в закрытом слоге после ударения сохранил свое качество, в другом же он, как в Дамаске, перешел в *e*, подтверждает возникновение их именно посредством удлинения и ударения первоначально кратких и неударенных гласных.

Группа $i|u|e|o$

О долгом \bar{i} особенно распространяться в данном месте не приходится, так как сомнений в том, каким образом его передать, нет. То же относится и к долгому \bar{o} , который мы берем как для обозначения слившегося дифтонга aw ,¹ так и для долгого гласного, вновь образованного из послеударного o . Краткие i и o мы будем, как и краткие e и a , условно рассматривать как полудолгие (о послеударном кратком o см. также ниже).

В отношении бейрутского долгого \bar{i} имеется указание Mattsson'a, 73—74, на наличие двух вариантов: \bar{i} и \bar{y} (= русский y), из которых последний появляется в соседстве с веляризованными переднеязычными. Этот вариант (как и \bar{i}) известен также и в Дамаске [Bergsträsser, 28, 39—42] и Иерусалиме [Baueg, 11, § 9], но здесь он появляется не только в соседстве с веляризованными переднеязычными, но и после заднеязычных и радикальных согласных. В соответствии с этим мы принимаем два варианта, первый из которых мы будем передавать через \bar{i} , а второй через \bar{y} .

Такое же различие целесообразно провести и для гласного, получившегося в результате слияния дифтонга aj или удлинения послеударного e .¹ Их мы предполагаем передать знаками \bar{e} и \bar{a} (в соседстве с веляризованными переднеязычными и после радикальных согласных).

В отношении кратких i , y , e , a имеет силу сказанное выше в связи с прочими долгими гласными. Их можно условно рассматривать как полудолгие гласные, выполняющие функции неударенных долгих.

В группе кратких гласных под ударением, соответствующих классическим кратким $i|u$, в нашем диалекте, как и вообще в народно-арабском языке, сохранено старое состояние, различие лишь одного редуцированного гласного, получающего свою акустическую характеристику от окружающих его согласных [Brockelmann, Grundriss I (1908) 144, § 52 abc]. Для Бейрута эти субъективные варианты зафиксированы в виде: i — «нормальное» произношение; \dot{i} открытого — в соседстве с \dot{z} из q , x , и γ , а также с губными и под отдаленным влиянием веляризованных переднеязычных; e и y (= русский y) — рядом с ε и ζ ; u (= делабиализованный u) — в ближайшем соседстве с веляризованными переднеязычными [Mattsson, 77—82]. Для Дамаска Bergsträsser в текстах дает как i , так и u , но в фонетической части своей книги [см. стр. 7 след. и, особенно,

¹ Условно мы пишем o и e также и для Бейрута, хотя здесь, как известно, слияния дифтонгов не происходит.

первое дополнение на стр. 109] оговаривает, что это сделано скорее на основании теоретических рассуждений с привлечением звукового состава родственных языков, чем согласно действительного положения. Примерно такая же картина получается и для Иерусалима, если исходить из приводимого Вауер'ом фактического материала (напр. *dinja*, *hili*, с одной стороны, и *wiǧa*, *ʿonub*, *muftāh*, *ihutak*, с другой), вследствие чего представляется целесообразным передать гласные этой группы через знак шва — э, определив его как редуцированный гласный, тембр которого целиком зависит от окружающих согласных, равно как и от гласного соседнего слога (ср. вышеприведенные *ʿonub* = *ǧʿonob*, *ihutak* = *ǰǰhutak*).

Без ударения гласные этой группы в открытых неударенных слогах исчезли, и речь поэтому может идти лишь о неударенных гласных в закрытом слоге после главного ударения. В тех случаях, когда перед нами старый гласный; т. е. не вторичного характера, между *i* и *u* делается определенное различие, причем их оттенки передаются Mattsson'ом соответственно через *i*, *i* открытое и *e* для старого *i* и *u* для старого *u*. Сходное с этим состоянием можно предположить и для Иерусалима, для Дамаска же имеем закрытые *e* (с вариантом у веляризованных переднеязычных и после заднеязычных и радикальных согласных [Bergsträsser, 21, 4—10], который мы будем обозначать через э, см. выше) и *o* [ib., 20—21]. Эти гласные отличаются очень явственным произношением [Mattsson, 77—78, Bergsträsser, 20, 23—24] и в подходящих случаях, напр. в односложных формах повелительного наклонения, достигают полной долготы (*Ubēs*, *ktōb*, при *jālbēs*, *jāktob*), что дает основание рассматривать их в системе данного диалекта современного народно-арабского языка как неударенные долгие гласные и соответственно передать через *e* и э, и *o* (условно также и для Бейрута и Иерусалима).

Наконец к группе *i|u* относится неударенный редуцированный гласный, вторично возникший при определенных условиях [см. Докл. Акад. Наук СССР, В (1928) 260—4]. Поскольку его тембр, как и тембр ударенных кратких группы *i|u*, целиком зависит от окружающих согласных, мы будем передавать его тем же знаком э.

Специального упоминания заслуживает краткий гласный группы *i*, появляющийся в конце определенных форм, напр. в окончании женского рода. Он передается Mattsson'ом через *i*, Bergsträsser'ом и Вауер'ом через *e*. Поскольку исходную форму нынешнего окончания женского рода можно определить в виде **-ah* → **-ā*, мы имеем дело с редукцией долгого гласного *ā*, сходной с тем, что произошло в форме *ǰāte* «зима» (на ряду

с *šata* из **šatā* ← **šatāw*), т. е. перед нами еще один случай перехода неударенного *a* в *ə*, на этот раз долгого. Сохранение при веяризованных переднеязычных и радикальных согласных старого качества окончания женского рода в виде *a* имеет свою полную аналогию в диалекте Kfar 'Abida, где на ряду с *kéšəb* (← **kášəb* ← **kásəb* ← **kásab*) мы имеем *dáxal*, *dárab* [Feghali, 92]. Этим самым опровергается этимология Bergsträsser'a, 20, 21—3, по мнению которого налицо окончание *-e*, возникшее будто бы в закрытом неударенном слоге после главного ударения, надо полагать из **-ih* (?); но **-ih* дало бы прежде всего **-ī*, с дальнейшим сокращением в *-i* [ср. *fawāki* ← **fawākih*]. Мы поэтому будем передавать окончание женского рода через *e* и *a* (после веяризованных переднеязычных и радикальных согласных).

Не совсем ясен вопрос об обозначении окончания нисбы **-ī* и т. п. Наличие форм *mağattén* «две меджидии», *kərsəti* «мое кресло» и т. п. постулирует формы *mağide*, *kərsə*. Требуется, однако, предварительно точно установить, каким диалектам принадлежат обе приведенные формы. Если они из диалекта крестьян, где редукция захватила в известных случаях и долгие гласные, то мы для горожан, конечно, должны писать *mağidi*, *kərsi*. В противном же случае остается *mağide*, *kərsə*.

ВЫВОДЫ

Состав гласных народно-арабского языка горожан Сирии и Палестины выявляется, таким образом, в следующем виде:

Долгие под ударением $\overset{ˆ}{a} \overset{ˆ}{á} \overset{ˆ}{ú} \overset{ˆ}{ó} \overset{ˆ}{í} \overset{ˆ}{ý} \overset{ˆ}{é} \overset{ˆ}{ə}$

Полудолгие (= долгие без ударения) $\bar{a} \bar{á} \bar{ú} \bar{ó} \bar{í} \bar{ý} \bar{é} \bar{ə}$

Краткие под ударением $\overset{˘}{a} \overset{˘}{ə}$

Редуцированные (= краткие без ударения) $\overset{˘}{a} \overset{˘}{ə}$.

Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, долгие и полудолгие гласные, будучи качественно идентичными, отличаются друг от друга только в количественном отношении, последнее же находится в прямой зависимости от ударения; под ударением — долгота, без него — полудолгота; знак ударения, следовательно, определенно указывает, что данный гласный долгот, и, наоборот, отсутствие знака ударения характеризует гласный как полудолгий. Во-вторых, долгие и полудолгие гласные, с одной стороны, и краткие и редуцированные, с другой, отличаются друг от друга не столь количественно (ср. сказанное выше об условно полудолгих, фактически же кратких гласных), сколько качественно: *a*, *ə* никогда

не бывают долгими, и наоборот, долгие или полудолгие, сохраняя свое качество, никогда не становятся функционально краткими; нет нужды, поэтому, выявлять в транскрипции их количественные отличия, т. е. можно отказаться в практической транскрипции от употребления знаков долготы или краткости. Тогда у нас получится следующая упрощенная система гласных диалекта горожан, вполне соответствующая фактическим взаимоотношениям их:

Долгие под ударением *á á í ó í ú é é*

Полудолгие (= долгие без ударения) *æ a u o i y e э*

Краткие под ударением *á á*

Редуцированные (= краткие без ударения) *a э*

Вместо системы количества, преобладающей в вокализации литературного арабского языка, в народном языке господствует система преимущественно качественных отличий.

• 14 июня 1933 г.